

ДУШУ ОТНЯТЬ НЕ СМОГЛИ

Кто-то из юмористов невесело пошутил, что человеческая жизнь — это всего лишь тире между двумя датами. Первая дата рождения — 1 (13) февраля 1873 года. Вторая — смерти — 12 апреля 1938 года. И все! Но, простите, между этими двумя датами вместились целая жизнь. И кого? Шалепина!

О том, как пел Шалепин, как играл на сцене, — об этом более подробно можно прочитать в различных изданиях и книгах. Я хочу остановиться вот на чем: в России Шалепина любили и... ненавидели (как и всякий талант, заметим в скобках). Сам Федор Иванович отмечал:

«Меня хлестали: Шалепин — капризен, скандалист, жмот... А вся моя скандальность только в том, что я и от себя требовал и другим спуска не давал...»

В коровинских мемуарах есть один характерный эпизод из жизни великого артиста, когда он вместе с художником в ресторане на Воробьевых горах ел окрошку, а рядом за столиком витийствовал типичный российский полуинтеллигент вроде чеховского телеграфиста Яты:

— Хорошо ему, легко живется, поет — и пожалуйста деньги...

Коровин не выдержал и заметил, когда артист вышел из-за столика, что Шалепин замечательно поет, на что мгновенно последовало:

— Поет! Мы знаем, что поет. А сколько он получает?!

Вот эта черная зависть постоянно преследовала Шалепина. Да, он любил деньги, любил роскошь. Редко пел с благотворительными целями. Любил говорить: «Бесплатно только птички поют». Ну и что из того? Талант, а тем более гений, имеет право на материальное вознаграждение — это общемировая практика. Но вот грянула революция в России. И... впрочем, вот что писал сам Федор Иванович в своей книге «Маска и душа»:

«...Но зато меня, буржуя, хоть на работу не погнали, считали, по-видимому, способным платить казне контрибуцию в 5000000 рублей. Мне присылали бумаги об этих миллионах, повестки и назначали сроки для уплаты. Я грустно соображал, что пяти миллионов я во всю свою карьеру не заработал. Как же я могу платить? Взять деньги из банка? Но то, что у меня в банке хранилось, «народ» уже с моего счета снял. Что же это

— недоразумение или глупость? Однако приходили вооруженные люди и требовали. Ходил я в разные комитеты объясняться, урезонивать.

— Хм... У вас куры денег не клюют, — говорили мне в комитетах».

Худо было Федору Ивановичу при новой власти, хотя и пытался он как-то наладить отношения с «товарищами» и даже распивал с ними горячительные напитки, которые с трудом удавалось купить на черном рынке. Довелось ему однажды посидеть за одним столом с финским коммунистом Эйно Рахья (ну, тот самый ленинский проводник-телохранитель), и тот, как пишет Шалепин в «Маске и душе»: «...очень откровенно и полным голосом заявил, что таких людей, как я, надо резать... Ни у какого человека не должно быть никаких преимуществ над людьми. Талант нарушает равенство».

«Я так и знал, в этой стране жить нельзя!» — вспоминает шалепинский вопль Константин Коровин.

У самого Шалепина в «Маске и душе» читаем:

«А Мария Валентиновна все настойчивее и настойчивее стала напирать на меня: бежать, бежать надо...»

Вот это «бежать» оказалось для Шалепина не из легких решений, но он его принял. Шалепин стал эмигрантом. А эмигрант — значит предатель и враг советской России — тогда мыслилось только так.

В 1927 году в один из дней во дворе русской церкви в Париже Шалепин увидел оборванных и голодных эмигрантских детей и тут же принял решение передать на них 5 тысяч франков священнику отцу Георгию Спасскому. В советской прессе на этот благородный поступок Шалепина отреагировали иначе: политическая акция — помощь белоэмигрантам! И хлынула мощная волна клеветы на великого артиста. Владимир Маяковский разразился гневными стихами:

**С барина
с белого**

Визит к Клебу — 1998. — 5 февр. — с. 14

сорвите, наркомпроscopy, народного артиста красный венок!

Призыв Маяковского возмел действие — 24 августа 1927 года Совет Народных Комиссаров принял постановление о лишении Шалепина звания народного артиста. Это позорное постановление было отменено лишь спустя 64 года.

Итак, имя Шалепина замаскировали грязью, но память о его голосе, мощном и удивительном, естественно, осталась. И в 1928 году Горький пишет Шалепину: «Очень хотят послушать тебя Сталин, Ворошилов и др.» Очень затосковали об артисте тонкие партийные меломаны!

В 30-е годы Немирович-Данченко привез «устную буллу» Сталина специально для Шалепина.

— Пусть приезжает. Дом дадим. Дачу дадим, в десять раз лучше, чем у него были!

Шалепин мрачно выслушал и возмутился:

— Дом отдадите? Дачу отдадите? А душу? Душу можете отдать?!

Нет, советской власти Шалепин не верил.

Дочери Ирине (миллой Аришке) 20 марта 1937 года Шалепин писал из Парижа:

«...На юбилей никуда не поеду. Думаю устроить его в бу-

дущем 38 году... Устраивать буду в Лондоне, Париже, New-York, вероятно, в Милане и Берлине. Жаль, конечно, что не в Москве, но я у вас там слышу отчаянным преступником, а в таких случаях с вами трудно. Пошлют в Соловки, как ни оправдывайся. Нет уж, я стар для таких прогулок. Лучше здесь и всем спокойней».

Во французском своем периоде жизни Шалепин, — цитирую по книге Любимова «На чужбине», — «пил много, не смотря на запрещение врачей, как умеют пить во Франции: благодушествова, но не пьянея. Пил украдкой от жены, от дочерей. Гостиную его украшали большие стенные часы. Он любил эти часы, говорил, что они очень хрупкие, сам заводил и никому не доверял ключа. Оставившись наедине с приятелем, он иногда открывал их: внутри стояла дюжина бутылок...»

И еще воспоминание Бунина. В Париже Шалепин часто заводил граммофон и ставил напетые им в прежние годы пластинки, слушал самого себя со слезами на глазах, бормоча:

— Не плохо пел! Дай бог так-то всякому!..

Федор Иванович Шалепин прожил 65 лет и два месяца. В чисто человеческом плане он

любил все земные удовольствия: есть, пить, ухаживать за женщинами, у которых, конечно, имел большой успех. Как точно подметил Коровин, «страсти стихийно владели его послушной душой».

Шалепин был дважды женат. Первая жена — Иола (урожденная Ле-Прести, по сцене Торнаги), итальянская балерина. Вторая — Мария Петцольд (урожденная Элукен).

Когда Шалепин впервые увидел Иолу, свою будущую первую жену, он тут же пропел:

**Онегин,
я клянусь на шпаге,
Безумно я люблю Торнаги.
Тоскливо жизнь моя текла,
Она явилась и зажгла...**

Итальянская балерина не смогла устоять перед русским гигантом, и 27 июля 1898 года произошло венчание с «дорогой Иолиной». Пошли дети. В 1906 году на скачках Шалепин познакомился с Марией Валентиновной. И как следствие — любовь и незаконнорожденные дети. Иола все знала, Шалепин ничего от нее не скрывал. Сначала две семьи жили в одном доме, а потом Шалепин окончательно оставил Иолу Игнатьевну и с Марией Валентиновной покинул Россию.

Всего детей было... десять! Вспоминает Марина Шалепина:

«Никогда никакой ревности между нами не было. Все дети были для папы одинаковы. Он время проводил то с одними, то с другими. К несчастью, всех сразу соединить было нельзя — мамы были бы недовольны. А мы всегда росли абсолютно как братья и сестры... Вот удивительное дело — десять нас, и мы все были веселые, все смеялись, никто никогда ни с кем не ругался. Иногда ссорились, конечно, — мелкие, дурацкие, детские ссоры...»

Вот коротко и все о февральском юбиляре, Федоре Ивановиче Шалепине (Скиаляпино — так звали его в Италии). И последний, пожалуй, штрих. Шалепин был неплохим импровизатором и сочинял стихи. Вот что он писал в 1901 году из Италии:

**Я здесь в Милане —
страус в клетке
(в Милане страусы
так редки),
Милан собирается смотреть,
Как русский страус
будет петь.**

**И я пою, и звуки тают,
Но в воздух чепчики отнюдь
Здесь, как в России,
не бросают...**

Сегодня, в день юбилея Шалепина, предлагаю бросить в воздух 125 чепчиков. Праздновать — так праздновать! Вива, Скиаляпино!